

УДК .347.6

СООТНОШЕНИЕ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ЗАВЕЩАНИЯ И ИНСТИТУТА ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ДОЛИ В НАСЛЕДСТВЕННОМ ПРАВЕ РОССИИ

Козина Анастасия Алексеевна

студентка

Бегинина Ольга Юрьевна

студентка

Залавская Ольга Михайловна

кандидат юридических наук, доцент кафедры частно-правовых наук

Оренбургский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», г.Оренбург

Аннотация. В статье исследуется проблема соотношения принципа свободы завещания и института обязательной доли в наследственном праве Российской Федерации. Анализируется нормативное содержание статей 1119 и 1149 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1], раскрывается правовая природа обязательной доли как социально-охранительного ограничения свободы завещания. Особое внимание уделяется проблемам формализации критериев нетрудоспособности и отсутствия оценки фактической нуждаемости наследников, что приводит к ограничению автономии воли наследодателя.

В работе рассматриваются актуальные тенденции судебной практики Верховного Суда РФ 2025 - 2026 годов, направленные на усиление принципа соразмерности и приоритетное удовлетворение обязательной доли из незавещанного имущества. Проводится анализ правоприменительных проблем, возникающих при перераспределении наследственной массы, а также оценивается баланс между частноправовой автономией и социальной функцией наследственного права.

Сформулирован вывод о необходимости дальнейшей индивидуализации подхода к определению права на обязательную долю и расширения судебного усмотрения при оценке конкретных обстоятельств наследственных споров.

Ключевые слова: наследственное право; свобода завещания; обязательная доля; Гражданский кодекс РФ; наследование по завещанию; судебная практика; Верховный Суд РФ; нетрудоспособные наследники; соразмерность; автономия воли; наследственные споры; защита прав наследников; ограничение свободы завещания.

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE PRINCIPLE OF FREEDOM OF PROBATE AND THE INSTITUTION OF A MANDATORY SHARE IN THE INHERITANCE LAW OF RUSSIA

Anastasia Alekseevna Kozina

student

Beginina Olga Yurievna

student

Zalavskaya Olga Mikhailovna

candidate of Law, Associate Professor of the Department of Private Law Sciences Orenburg Institute
(branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), Orenburg

Abstract. The article examines the problem of the correlation between the principle of freedom of probate and the institution of a mandatory share in the inheritance law of the Russian Federation. The normative content of Articles 1119 and 1149 of the Civil Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Civil Code of the Russian Federation) [1] is analyzed, and the legal nature of the mandatory share as a socially protective restriction on the freedom of probate is revealed. Special attention is paid to the problems of formalizing criteria for disability and the lack of assessment of the actual need of heirs, which leads to a limitation of the autonomy of the testator's will. hereditary mass is carried out, as well as the balance between private legal autonomy and the social function of inheritance law is assessed.

The paper examines current trends in the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation in 2025-2026, aimed at strengthening the principle of proportionality and prioritizing satisfaction of the mandatory share of non-inherited property. The analysis of the law enforcement problems arising from the redistribution of the hereditary mass is carried out, as well as the balance between private legal autonomy and the social function of inheritance law is assessed.

The author concludes that it is necessary to further individualize the approach to determining the right to a mandatory share and expand judicial discretion in assessing the specific circumstances of inheritance disputes.

Keywords: inheritance law; freedom of probate; compulsory share; Civil Code of the Russian Federation; inheritance by will; judicial practice; Supreme Court of the Russian Federation; disabled heirs; proportionality; autonomy of will; inheritance disputes; protection of the rights of heirs; restriction of freedom of probate.

Наследственное право Российской Федерации представляет собой системно сложный институт гражданского права, в котором переплетаются частноправовые и социально-

охранительные начала. Его ключевая особенность заключается в необходимости постоянного баланса между автономией воли собственника и публично значимыми ограничениями, направленными на защиту социально уязвимых категорий граждан.

Центральное противоречие современного наследственного права проявляется в соотношении принципа свободы завещания (статья 1119 ГК РФ) и института обязательной доли (статья 1149 ГК РФ). Данный конфликт носит не только юридико-технический, но и концептуальный характер, поскольку затрагивает пределы диспозитивности гражданского права и допустимость посмертного вмешательства государства в волю собственника.

Актуальность темы усиливается устойчивым ростом числа наследственных споров, связанных с перераспределением наследственной массы вопреки завещанию. Практика показывает, что обязательная доля нередко становится инструментом частичного «переписывания» завещания судом, что вызывает вопрос о пределах допустимого ограничения частной автономии

Особое значение имеет развитие судебной практики Верховного Суда РФ в 2025 - 2026 годах, в рамках которой формируется тенденция к более строгому толкованию оснований вмешательства в завещательные распоряжения. В частности, в Определении Верховного Суда РФ от 14.01.2025 № 4-КГ24-73-К1 [2] подчеркивается необходимость приоритетного удовлетворения обязательной доли из незавещанного имущества, что снижает уровень вторжения в волю наследодателя.

Обеспечивает ли действующее регулирование обязательной доли в наследстве справедливый и юридически последовательный баланс между принципом свободы завещания и социальной защитой обязательных наследников, либо приводит к системному ограничению автономии воли наследодателя?

Предполагается, что действующая модель обязательной доли в российском наследственном праве основана преимущественно на формальном критерии нетрудоспособности наследника, что приводит к недостаточной индивидуализации правового регулирования и в ряде случаев - к непропорциональному ограничению свободы завещания.

Объектом являются общественные отношения, возникающие при наследовании по завещанию и реализации права на обязательную долю.

Предметом выступают нормы гражданского законодательства РФ, а также правовые позиции Конституционного Суда РФ и судебная практика применения ст. 1149 ГК РФ

Рассмотрим принцип свободы завещания, закрепленный в статье 1119 ГК РФ. Он выражает возможность наследодателя самостоятельно определять юридическую судьбу имущества на случай смерти. Его правовая природа производна от права собственности и принципа диспозитивности гражданского права[5].

Свобода завещания включает несколько элементов:

1. свободу выбора наследников;
2. свободу определения долей;
3. свободу лишения наследства;
4. свободу включения завещательных распоряжений.

Однако данный принцип не является абсолютным. Его ограничение обусловлено необходимостью защиты социально уязвимых лиц и сохранения минимального уровня имущественной стабильности в семье наследодателя.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что право наследования имеет комплексный характер и включает в себя как право наследодателя распорядиться принадлежащим ему имуществом на случай смерти, так и право наследников на получение наследственного имущества. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 27 марта 2025 г. № 14-П указано, что в совокупности данные правомочия вытекают из конституционного права собственности и составляют основу свободы наследования.[4].

Институт обязательной доли закреплен в статье 1149 ГК РФ и представляет собой законодательное ограничение свободы завещания, выражающееся в гарантированном минимуме наследственных прав определенного круга лиц.

К числу обязательных наследников относятся:

- несовершеннолетние или нетрудоспособные дети наследодателя;
- нетрудоспособный супруг;
- нетрудоспособные родители;
- нетрудоспособные иждивенцы.

Размер обязательной доли составляет половину законной доли наследника.

Правовая природа данного института является дискуссионной. В доктрине выделяются три подхода:

1. социально-обеспечительный (защита нуждающихся);
2. семейно-правовой (сохранение семейной солидарности);
3. ограничительный (прямое вмешательство в свободу завещания).

На практике российская модель сочетает все три подхода, однако доминирующим остается формально-социальный критерий.

Ключевой недостаток действующего регулирования заключается в том, что право на обязательную долю возникает автоматически при наличии юридического статуса нетрудоспособности, без оценки реальной материальной нуждаемости.

Это приводит к ряду системных проблем:

- получение обязательной доли обеспеченными наследниками;

- отсутствие учета фактических семейных отношений;
- игнорирование поведения наследника при жизни наследодателя;
- конфликт с принципом автономии воли.

Таким образом, институт обязательной доли функционирует как формально-правовой механизм, а не как инструмент реальной социальной защиты.

Современная судебная практика демонстрирует постепенный отход от жесткого формализма.

В Определении Верховного суда РФ от 14.01.2025 № 4-КГ24-73-К1[2] указано, что обязательная доля должна удовлетворяться преимущественно из незавещанной части имущества, и только при ее недостаточности допускается вмешательство в завещание.

Данная позиция имеет ключевое значение, поскольку:

- ограничивает вмешательство в волю наследодателя;
- усиливает приоритет завещания;
- снижает риск дробления имущества.

Также в Обзоре судебной практики Верховного суда РФ за 2025 год подчеркивается необходимость индивидуальной оценки обстоятельств дела при применении ст. 1149 ГК РФ, включая имущественное положение сторон и последствия перераспределения наследства [3].

Однако важно отметить, что данные изменения носят эволюционный, а не революционный характер: законодательная модель обязательной доли остается прежней.

Несмотря на социальную направленность, институт обязательной доли может вступать в противоречие с принципом справедливости в его индивидуальном измерении [6].

Основные проблемные ситуации:

- обязательная доля нарушает волю наследодателя без учета личных обстоятельств;
- создается долевая собственность между конфликтующими наследниками;
- увеличивается количество судебных споров;
- наследственное имущество теряет экономическую целостность.

В результате обязательная доля в ряде случаев перестает выполнять исключительно защитную функцию и превращается в инструмент перераспределения имущества вне воли наследодателя.

В зарубежных же правопорядках наблюдается более гибкая модель ограничения свободы завещания.

В ряде стран допускается:

- учет поведения наследника при жизни наследодателя;
- возможность лишения обязательной доли при недобросовестности;
- дифференцированный подход к размеру защиты.

Это позволяет достигать более индивидуализированного баланса между автономией воли и социальной защитой.

Российская же модель в сравнении выглядит более формализованной и менее адаптивной.

Для повышения эффективности института обязательной доли целесообразно:

1. Ввести критерий фактической нуждаемости, наряду с нетрудоспособностью.
2. Расширить судебное усмотрение при оценке конкретных обстоятельств дела.
3. Учитывать поведение наследника при жизни наследодателя.
4. Закрепить возможность частичного лишения обязательной доли при злоупотреблении правом.
5. Разработать методику оценки соразмерности вмешательства в завещание.

Данные меры позволили бы перейти от формальной модели защиты к более справедливой и индивидуализированной системе.

Итак, институт обязательной доли в наследственном праве Российской Федерации выполняет важную социальную функцию, обеспечивая минимальные гарантии для уязвимых категорий наследников. Вместе с тем его современная конструкция основана преимущественно на формальных критериях, что в отдельных случаях приводит к чрезмерному ограничению свободы завещания.

Судебная практика 2025 - 2026 годов демонстрирует постепенное стремление к восстановлению баланса между автономией воли наследодателя и социальной защитой наследников. Однако без изменения законодательной модели этот баланс остается нестабильным.

Таким образом, гипотеза исследования подтверждается: действующее регулирование обязательной доли нуждается в уточнении и большей индивидуализации, поскольку в текущем виде оно не всегда обеспечивает справедливое соотношение интересов участников наследственных правоотношений.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552;
2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.01.2025 N 4-КГ24-73-К1 // URL:<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=846998#KxpxbJVABjiPefiM3>;

3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1. 2025. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_504065/;
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2025 № 14-П. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501814/?utm_source=chatgpt.com;
5. Михеева Л.Ю. Наследственное право: современные тенденции развития // Журнал российского права. 2024. № 8.;
6. Блинков О.Е. Наследственное право России. М., Норма. 2023.